

Н. В. Работяжев

ЕВРОПЕЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ В ПОИСКАХ АДАПТАЦИИ К МЕНЯЮЩЕМУСЯ МИРУ

Ключевые слова: социал-демократия, идейная эволюция, модернизм, левый традиционализм, обновление

¹ Dahrendorf 1983:
16.

По словам немецкого социолога Ральфа Дарендорфа, «в своих лучших проявлениях XX век был социал-демократическим»¹. Действительно, социал-демократия оказала заметное влияние на формирование облика ушедшего столетия, а тем самым — и на нашу современность. «Все то, что было осуществлено в Западной Европе для реализации большей справедливости, большей безопасности, больших возможностей для получения образования, большего благосостояния и большей государственной заботы о бедных и беспомощных, никогда бы не было достигнуто без давления социалистических идеологий и социалистических движений, несмотря на все присущие им наивные заблуждения и иллюзии», — отмечал известный польский философ Лешек Колаковский².

² Kolakowski,
Hampshire: 16.

Историческая эволюция социал-демократического движения со времени его возникновения в последней четверти XIX в. до наших дней по большому счету имела один вектор — социал-демократия постепенно теряла радикальность, превращаясь из антикапиталистической классовой силы в часть политического истеблишмента стран Запада. Вместе с тем это была история избавления от иллюзий и догм. Можно сказать, что характерной чертой социал-демократического движения является перманентный «ревизионизм», пересмотр и своевременное отбрасывание устаревших или ошибочных представлений, постоянное стремление привести идеи в соответствие с реальностью. Предлагаемая статья посвящена исследованию адаптации европейской социал-демократии к социальным реалиям современного мира.

**Идейная
эволюция
социал-демо-
кратии в XX в.**

Как же изменялись базовые установки европейской социал-демократии?

³ Бердяев 1995:
126.

Изначально в социалистической идеологии на первом плане были коллективистские, социальные ценности — ведь, как верно заметил русский философ Николай Бердяев, метафизика социализма основана на примате общества над личностью³. Антиперсоналистская тенденция прослеживалась и в марксизме, чему во многом способствовал «социо-

логический реализм» этого учения, делавшего упор на социальные классы, которые представляли более реальными, чем отдельные люди. Отличительной чертой идеологии социал-демократических партий с момента их возникновения был также этатизм (унаследованный не столько от Карла Маркса, сколько от Фридриха Энгельса и Фердинанда Лассаля). «Несомненно, рабочее движение и в особенности социалистическое движение с самого начала проникнуто было, в противоположность либерализму, идеей воздействия государства на хозяйство, — констатировал видный теоретик германской социал-демократии Рудольф Гильфердинг. — ...Мы всегда требовали вмешательства государства и усиления государства»⁴. Вместе с тем большинство адептов западного марксизма были привержены демократическому пути к социализму.

⁴ Гильфердинг 1928: 131.

В 1920—1930-е годы европейская социал-демократия рассталась с мифом пролетарской революции и в своей практической деятельности встала на путь реформистского осуществления социализма через использование возможностей демократического государства. С этого времени «социализм, хоть и с трудом, избавляется от утопизма и становится восприимчив к проблемам свободы и самостоятельности»⁵.

⁵ Росселли 1989: 18.

В 1950-е годы в идеологии западной социал-демократии произошли дальнейшие изменения, ознаменовавшие ее вступление в стадию постмарксизма. Из документов социал-демократических партий исчезли упоминания об исторической миссии пролетариата, упор на классовую борьбу сменила ориентация на социальное партнерство, а сами партии из рабочих все больше превращались в народные. На смену марксистскому «научному социализму» пришел этический социализм, для которого социализм является прежде всего нравственным идеалом и вместе с тем процессом воплощения в социальную жизнь этических ценностей (свободы, справедливости, равенства, солидарности). Соответственно, было покончено с историческим детерминизмом, и социал-демократы признали, что продвижение к социализму зависит от ценностных установок, воли и усилий людей.

Важные перемены произошли и в экономических воззрениях социал-демократии. В конце XIX в. важнейшей программной установкой социал-демократических партий было обобществление (то есть фактически национализация) всех средств производства и обмена. Позднее социал-демократы — не без влияния отпугивающего советского примера — отказались от планов полной социализации и признали совместимость «социалистического планирования» с частной инициативой в ряде сфер экономики. В конце 50-х — начале 60-х годов прошлого века социал-демократические партии многих европейских стран приняли новые программы, где провозгласили частную собственность и рыночную конкуренцию неотъемлемыми составляющими смешанной экономики, в рамках которой должно было происходить эволюционное продвижение к обществу социальной демократии. Национализация же была объявлена лишь одним из возможных средств социал-демокра-

тической хозяйственной политики. В то же время социал-демократы сохранили веру в сильное государство как важнейший рычаг социальных преобразований, ведущих к обществу социальной справедливости, и благотворность государственного регулирования экономики.

Сравнивая программные установки социал-демократических партий конца XIX столетия и 50—60-х годов XX в., легко увидеть, сколь далеко отошли социал-демократы от примата социально-коллективистских начал и представлений о социализме как об организованном и плановом обществе. Социал-демократы в определенной мере признали такие «индивидуалистические» ценности, как частная инициатива, конкуренция, личные усилия. Тем не менее устранение из программных документов марксистских тезисов не означало полного отказа от марксизма. Социал-демократы видели в учении Маркса один из духовных источников демократического социализма (наряду с христианством, немецкой классической философией, идеями Просвещения и др.); кроме того, во многих социал-демократических партиях оставались течения, сохранявшие приверженность марксизму.

Таким образом, в 1950—1960-е годы сложилась социал-демократическая модель, основными элементами которой были смешанная экономика, развитое государство всеобщего благосостояния (социальное государство), кейнсианская финансово-экономическая политика, стимулирующая спрос путем увеличения государственных расходов, и социальное партнерство. Вплоть до 1970-х годов, отмечает теоретик СДПГ Томас Майер, «эта модель... была настолько успешной, что она не только всецело господствовала в повестке дня европейских демократий, но и стала в различной степени общей моделью политики для многих других демократических партий»⁶.

⁶ Майер 2000: 68.

**Кризисные
явления
в европейской
социал-
демократии**

Однако уже в 80-е годы прошлого века социал-демократия, как и сформированная ею модель общественных отношений, вступила в полосу кризиса. Прежде всего, со значительными трудностями столкнулось главное достижение послевоенной социал-демократии — государство благосостояния. Государственное регулирование экономических процессов посредством кейнсианского инструментария (включающего высокие налоги и масштабное перераспределение средств через госбюджет) постепенно вело к бюрократизации и регламентации экономики, ослаблению ее динамизма, росту иждивенческих настроений. Увеличение социальных расходов имело своим следствием бюджетный дефицит и инфляцию, а высокие налоги на корпорации замедляли экономический рост. Кроме того, эта модель все меньше соответствовала эпохе информационно-компьютерных технологий и императивам «новой экономики», требующей от субъектов рынка гибкости, инициативы, креативности, готовности к риску. В итоге, как констатировал в конце 1980-х годов ведущий экономист Социал-демократической рабочей партии Швеции (СДРПШ) Клас Эклунд, традиционная страте-

⁷ См. Лунсет 1991: 22—23.

гия социал-демократии, состоявшая в повышении налогов для финансирования социальных программ, перестала работать⁷.

С другой стороны, возможности социального государства были поставлены под вопрос процессом глобализации. Дело в том, что предлагавшиеся социал-демократами меры антициклического регулирования, заимствованные из кейнсианского инструментария, могли эффективно проводиться только на национальном уровне. В условиях глобализации, когда национальное государство все меньше влияет на процентные и налоговые ставки, некейнсианская модель макроэкономического регулирования начинает давать сбои. Более того, глобализация усиливает давление на государство благосостояния, подталкивая правительства к его демонтажу или, по крайней мере, сужению его функций. Обострение международной конкуренции делает практически невозможным сохранение тех социальных гарантий, которые оно ранее обеспечивало населению, поскольку высокие налоги на корпорации, за счет которых финансировались социальные программы, подрывают конкурентоспособность национального бизнеса. Ослабление же контроля национального государства над экономикой ведет к тому, что экономическая и социальная сферы все больше попадают под влияние господствующих на глобальном уровне свободно-рыночных отношений и транснациональных компаний.

Но кризис западной социал-демократии в 1980—1990-е годы был связан не только с трудностями государства благосостояния. Ему способствовал и ряд иных факторов. В социальной структуре западноевропейских стран сокращалась доля традиционного рабочего класса — важнейшей социальной и электоральной опоры социал-демократии, тогда как численность новых средних слоев быстро возрастала. Крупные предприятия с большим числом занятых и конвейерной системой активно вытеснялись мелкими и средними фирмами «новой экономики». В западном обществе все шире распространялся «новый индивидуализм», у носителей которого «стали возникать трения с традиционной социал-демократическо-профсоюзной ориентацией на коллективную организацию и всеохватывающее влияние социального государства»⁸.

⁸ Поттхофф, Миллер 2003: 394.

Определенные негативные последствия для европейской социал-демократии имело также крушение коммунистических режимов в Советском Союзе и странах Центральной и Восточной Европы в 1989—1991 гг. Сами социал-демократы расценили эти события как победу демократического социализма над авторитарным коммунизмом. Однако вскоре оказалось, что крах советского блока нанес чувствительный удар по левой идее вообще и на какое-то время привел к дискредитации социалистических ценностей и доминированию в западном обществе неолиберальной идеологии.

Перечисленные явления и стали причиной кризиса, охватившего западноевропейское социал-демократическое движение. В последние два десятилетия XX в. социал-демократия понесла ощутимые электоральные потери, причем две ведущие социал-демократические партии

Западной Европы — Лейбористская партия Великобритании (ЛПВ) и Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) — на долгие годы оказались в положении оппозиции (ЛПВ — в 1979—1997 гг., СДПГ — в 1982—1998 гг.). А те социалисты южноевропейских стран, которым в 1980-е годы удалось добиться электорального успеха, вскоре после прихода к власти начали проводить близкую к неоконсервативной социально-экономическую политику.

Переход от индустриального общества к обществу услуг и информации, кризис государства благосостояния и кейнсианских методов макроэкономического регулирования, вызовы глобализации, стремительный рост новых средних слоев и другие социальные сдвиги конца XX в. имели своим следствием и кризис идентичности западноевропейской социал-демократии, ярко проявившийся в 1990-е годы. Попытки решить вставшие перед социал-демократическим движением проблемы привели к тому, что в ряде европейских социал-демократических партий активизировалось правое, прорыночное течение.

Теоретики этого направления («неоревизионисты» в терминологии британского политолога Дональда Сэссона) выступали за модернизацию идейного багажа социал-демократии путем включения в него некоторых элементов либерализма. По сути дела речь шла об отказе от представления, что целью социал-демократических партий является преобразование капитализма в общество нового типа. Задачей социал-демократов, полагали «неоревизионисты», должна быть не ликвидация капитализма, а его регулирование, которое бы позволило обеспечить реализацию в его рамках основных социалистических ценностей (справедливости, солидарности, равенства). При этом, с их точки зрения, такое регулирование должно было осуществляться не посредством расширения государственного сектора, но с помощью законодательного введения особых «правил игры» для хозяйствующих субъектов; сами же ключевые принципы рыночной экономики ими под вопрос не ставились⁹.

В социал-реформистских партиях сохранялось, конечно, и влияние левых традиционалистов. Тем не менее в 1980—1990-е годы в социалистических и социал-демократических партиях многих европейских стран (Великобритании, Германии, Швеции, Франции, Австрии, Нидерландов, Испании и др.) наблюдался более или менее выраженный отход от этатистско-перераспределительных моделей и признание преимуществ рыночного хозяйства. Такой эволюции способствовало и крушение «реального социализма», наглядно показавшее, к каким печальным последствиям может привести гипертрофированная роль государства в социальной и экономической сферах. В одних партиях программно-идеологическое «поправление» было очень заметным¹⁰, другие лишь осторожно вступили на этот путь, но тенденция к обновлению проявилась почти везде.

⁹ *Sassoon 1996: 730—735.*

¹⁰ *Прежде всего это относится к ЛПВ.*

**Модернизм
и левый
традиционализм
в социал-
демократическом
движении**

В конце 1990-х годов в западной социал-демократии обозначились два основных течения — «новая» (модернистская) и «старая» социал-демократия. Первое из них, связанное с именами премьер-министра Великобритании Тони Блэра и канцлера ФРГ Герхарда Шрёдера, можно назвать социал-либеральным. Приверженцы подобного варианта модернизации социал-демократизма — «новые лейбористы» (New Labour) в ЛПВ и сторонники «новой середины» (Neue Mitte) в СДПГ — стремились найти «третий путь» (так назвал свою концепцию Блэр) между традиционным демократическим социализмом и неолиберализмом.

По словам Блэра, этот «третий путь» располагался правее того, по которому шли старые левые, делавшие акцент на государственном контроле, высоких налогах и защите интересов работающих по найму, и левее того, по которому идут новые правые, нередко считающие злом не только государственное вмешательство в экономику, но и сами слова «общество» и «коллективные усилия»¹¹. Иначе говоря, он пролегал между неолиберализмом и кейнсианским государством благосостояния. Теоретическое обоснование идеи и базовых принципов неолейбористского «третьего пути» принадлежало английскому социологу и советнику Блэра Энтони Гидденсу.

В противовес приверженцам традиционных для социал-демократии этатистских моделей, адепты «третьего пути» были убеждены, что, играя активную роль в регулировании экономической жизни, правительство должно избегать интервенционизма, что в условиях «новой экономики» необходимо налаживать партнерские отношения с бизнесом и что экономический рост и социальная справедливость — не антагонисты, а две стороны одной медали¹². По мнению «новых лейбористов», рынки следовало не ограничивать, а либерализовывать, ибо свободный рынок «является тем средством, которое обеспечит достижение реформистских целей»¹³. Вместе с тем, в отличие от консерваторов, они исходили из того, что результаты экономического роста, порожденного функционированием свободного конкурентного рынка, должны использоваться для увеличения инвестиций в общественные службы и финансирования государства благосостояния¹⁴. В духе этих идей правительство Блэра сохранило дерегулирование рынка труда, допустило частный бизнес к участию в системе государственных социальных услуг и предоставило Банку Англии (национализированному в 1946 г.) право самостоятельно определять политику в области процентных ставок по кредитам и вкладам.

Блэр и Гидденс выступили также за реформирование государства всеобщего благосостояния и превращение его в «государство социальных инвестиций». Это означало, что государственная помощь гражданам должна была заключаться не столько в социальных выплатах, сколько в инвестициях, направленных на приобретение квалификации или переобучение (то есть в инвестициях в человеческий капитал, по выражению Гидденса). Тем самым предполагалось увеличить ответственность индивидов за их положение на рынке труда.

¹¹ Блэр 2000: 5.

¹² Байерс 2000: 46.

¹³ Heffernan 2011: 165.

¹⁴ Ibid.: 166.

В то же время социальная политика правительства Блэра включала в себя и многие традиционные социал-демократические элементы (законодательное установление минимального уровня оплаты труда, введение четырехнедельных оплачиваемых отпусков, увеличение детских пособий для семей с низкими доходами, расширение финансирования образования и здравоохранения и др.). Неудивительно, что «новых лейбористов» нередко характеризовали как сторонников сочетания неолиберализма в экономике с социал-демократической социальной политикой. Их политико-философские и социально-экономические установки действительно были весьма близки к социальному либерализму. Блэр и сам позиционировал «новый лейборизм» как наследника не только лейбористской, но и прогрессивно-либеральной традиции, связанной с именами Джона Хобсона, Дэвида Ллойд Джорджа, Уильяма Бевериджа, Джона Мейнарда Кейнса.

Следует также упомянуть, что, став лидером Лейбористской партии, Блэр добился исключения из ее Устава положения об обобществлении основных средств производства, распределения и обмена. В результате с 1995 г. официальной целью Лейбористской партии является уже не общественная собственность, а создание общества, в котором «власть, богатство и жизненные возможности принадлежат многим, а не меньшинству»¹⁵. Кроме того, Блэр в значительной мере дистанцировался от британских профсоюзов, с которыми ЛПВ прежде тесно взаимодействовала.

¹⁵ *Sassoon 1996:*
739.

Таким образом, Блэр во многом отошел от принципов «классического» лейборизма. Традиционный лейборизм отстаивал «statism», то есть государство всеобщего благосостояния вкупе с кейнсианскими методами макроэкономического регулирования. Он вдохновлялся не только стремлением повысить уровень жизни бедных и обездоленных, но и такими идеалами, как социальное равенство, бесклассовое общество, замена конкуренции сотрудничеством¹⁶. «Новые» же лейбористы отвергли этатизм, делали акцент на индивидуальных усилиях и были убеждены в преимуществах рыночной экономики. Отступили они и от эгалитаристских установок британского социализма — равенство трактовалось ими преимущественно как равенство стартовых возможностей (прежде всего в сфере образования).

¹⁶ *Crosland 1963:*
67—68.

Впрочем, по мнению Блэра, все эти сдвиги отнюдь не означали, что «новые лейбористы» отказываются от социал-демократических ценностей — они лишь ищут новые пути их реализации, соответствующие современному обществу. «Наш подход — это „перманентный ревизионизм“, постоянный поиск наиболее эффективных средств для достижения наших целей...» — утверждал лидер ЛПВ¹⁷.

¹⁷ *Цит. по:*
Перегудов 1999:
51.

Сходных с неолейбористскими взглядов придерживался и бывший лидер СДПГ (1999—2004 г.) Шрёдер. Его социально-политическая концепция, сформулированная перед парламентскими выборами 1998 г., получила название «новая середина», или «новый центр». Тем самым СДПГ демонстрировала намерение привлечь на свою сторону

новые средние слои — высококвалифицированных наемных работников, мелких и средних предпринимателей, служащих, менеджеров, представителей свободных профессий, инженеров, врачей, педагогов и т.д. И результаты выборов показали, что ей это вполне удалось.

¹⁸ *Мацонашвили*
1998: 28.

Предвыборная программа 1998 г. была, по словам Шрёдера, «самой рыночной» из всех предвыборных программ СДПГ¹⁸. Реализм и энергия важнее, чем идеология, — таков был ее лейтмотив. Программа включала такие положения, как сочетание политики спроса и предложения; поддержка средних слоев, мелкого и среднего бизнеса; снижение налогообложения для всех предприятий — как концернов, так и мелких и средних фирм; помощь безработным в соответствии с принципом «работа вместо социальных выплат» (то есть предоставление тем, кто потерял работу, рабочих мест и возможностей для обучения и профессиональной подготовки); резкое увеличение инвестиций в образование, науку и опытно-конструкторские разработки¹⁹.

¹⁹ *Там же*: 29—35.

Если раньше социал-демократы стремились посредством кейнсианского инструментария увеличивать совокупный (потребительский и инвестиционный) спрос, то предвыборная платформа СДПГ предлагала комбинировать политику повышения спроса с политикой, ориентированной на рост предложения (поддержка мелкого и среднего предпринимательства, а также инноваций в области науки и профессионального обучения, снижение налогообложения предприятий и ограничение бюрократической регламентации сферы бизнеса)²⁰. Эти идеи были во многом близки к неолейбористской «прогрессивной политике предложения».

²⁰ *Там же*: 29—30.

В 1999 г. Блэр и Шрёдер опубликовали знаменитый совместный манифест «Европа: Третий путь — Новая середина» («Europe: The Third Way — die Neue Mitte»)²¹. Документ двух премьер-министров представлял собой попытку последовательно изложить воззрения «новой» социал-демократии. В нем отдавался приоритет сокращению государственных расходов, снижению налогов, гибкости рынка рабочей силы и личной ответственности. Государство, утверждали Блэр и Шрёдер, должно дополнять и улучшать регулирующее воздействие рынков, но не мешать их функционированию. Правда, при этом они подчеркивали: «Мы поддерживаем рыночную экономику, но не рыночное общество»²².

²¹ *Блэр, Шрёдер*:
2000.

²² *Там же*: 89.

Блэр и Шрёдер признавали, что в прошлом социал-демократы зачастую отождествляли социальную справедливость с равенством результатов и ростом государственных расходов, недооценивая значение индивидуальной инициативы и предпринимательства для повышения благосостояния. Авторы манифеста критиковали государственный интервенционизм в стиле 1970-х годов, следствием которого стали чрезмерное расширение управленческого аппарата, усиление влияния бюрократии, ослабление духа предпринимательства и личной ответственности, выступая «за общество, которое одобряет как удачливых предпринимателей, так и талантливых деятелей искусства и футболистов и умеет ценить творческое начало во всех областях жизни»²³.

²³ *Там же*: 93.

Базовыми экономическими принципами «новой» социал-демократии были провозглашены стимулирование экономического роста посредством снижения налогов с корпораций, сочетание регулирования спроса с политикой, ориентированной на предложение, обеспечение гибкости рынков товаров, капитала и труда, поддержка мелкого и среднего бизнеса, отказ от политики «дефицитного финансирования» государственных расходов.

Манифест Блэра—Шрёдера вызывал неоднозначную реакцию в среде европейских социал-демократов. Резко негативно восприняло его, в частности, руководство Французской социалистической партии (ФСП), более близкой к классической социал-демократии и, соответственно, более левой, чем ЛПВ и СДПГ. Как заметил председатель ФСП Лионель Жоспен, занимавший в то время пост премьер-министра Франции, «мы не левые либералы, мы социалисты»²⁴.

²⁴ Цит. по: Недев 2007: 196.

Ответом президиума ФСП на манифест Блэра—Шрёдера стала «декларация Жоспена», обнародованная в том же 1999 г. и озаглавленная «На пути к более справедливому миру»²⁵, где подчеркивалось, что социалистам следует с уважением относиться к собственным традициям и сохранять критическое отношение к капитализму (в том числе глобальному). «...Хотя способность рыночного хозяйства производить богатства несопоставима с другими экономическими системами, — писал Жоспен, — оно бывает также и несправедливым, и зачастую иррациональным»²⁶. Поэтому французский премьер-министр призывал европейских социал-демократов не торопиться сдавать в архив кейнсианские рецепты макроэкономического регулирования. Интересно, что в «декларации Жоспена» использовалось понятие «демократический социализм», полностью исчезнувшее из лексикона Блэра и Шрёдера.

²⁵ Жоспен 2000.

²⁶ Там же: 108.

Тогда же лидеры ФСП обозначили несколько моментов, побуждающих их критически отнестись к программным установкам «обновленной» Лейбористской партии. Во-первых, с их точки зрения, наряду с преимуществами, у рыночной экономики имеются и недостатки, для исправления которых требуется макроэкономическая политика, основанная на некейнсианских рецептах. Во-вторых, по их мнению, государство благосостояния следовало реформировать, а не ломать. В-третьих, руководство французских социалистов сочло неприемлемым дерегулирование рынка труда²⁷.

²⁷ Преображенская 2000: 48.

Таким образом, ФСП, по сути, осталась на позициях «традиционной» социал-демократии. Ее идеологическое обновление не пошло, да и не могло пойти по пути, проложенному Блэром и Шрёдером. В силу особенностей левой политической культуры в стране антиэтатизм, деидеологизированный прагматизм и фактический отказ от социалистического проекта не могли вдохновить французских социалистов. Разрыв ФСП с социалистическими установками препятствовало и наличие у нее достаточно влиятельных оппонентов слева (коммунисты, неотроцкисты, экологи и др.). Очевидно, что в случае поправления ФСП

потеряла бы часть своего электората, который бы отдал голоса компартии и другим левым группировкам.

«Третий путь» Блэра и «новая середина» Шрёдера не стали общей моделью обновления идеологии и практики западноевропейских социал-демократических партий (хотя, несомненно, оказали определенное влияние на идейные поиски в ряде из них). Некоторые партии частично модифицировали свои программно-идеологические установки, другие сохранили приверженность традиционному социал-демократизму. Почему же большинство левоцентристских партий не проявили желания «маркетизировать» свои воззрения — хотя их, казалось бы, подталкивали к этому и кризис государства благосостояния, и требования «новой экономики», и вызовы глобализации?

Степень, в которой социал-демократическая партия может сдвинуться в сторону социал-либерализма, зависит от ряда обстоятельств, среди которых следует упомянуть национальную социал-демократическую традицию, наличие или отсутствие более левых политических организаций и характер отношений данной партии с профсоюзами. Так, социал-демократические партии скандинавских стран, тесно связанные с профсоюзами (Норвежская рабочая партия, СДРПШ), не могут допустить «маркетизации» своей идеологии и политики, поскольку профсоюзы обычно выступают против дерегулирования рынка труда и в защиту социальных гарантий. Кроме того, в Норвегии имеется достаточно сильная Социалистическая левая партия, электоральные позиции которой усилятся в случае сдвига НРП вправо. Блэр же мог безбоязненно ревизовать наследие лейборизма, так как влияние левосоциалистических группировок в Великобритании практически равно нулю.

Тесная связь с профсоюзами и левые традиции не позволили пойти по пути СДПГ—ЛПВ и Социал-демократической партии Австрии. В этой партии сохранилось критическое отношение к неолиберализму, который, по мнению австрийских социал-демократов, «возводит эгоизм и безжалостность в принцип человеческой деятельности» и отвергает такие ценности, как солидарность и справедливость²⁸.

²⁸ Hartmann 2004: 9.

Существует еще одна важная причина, по которой социал-демократические партии не могут стать безоговорочными апологетами рыночного хозяйства. Дело в том, что проект формирования нового, более человеческого социального устройства, свободного от недостатков капитализма, выполняет в этих партиях и важную интегративную функцию. В силу этого отказ от собственного проекта, от своего видения свободного, справедливого и солидарного общества будущего грозит не только подорвать социал-демократическую идентичность, но и вызвать внутрипартийные кризисы и расколы.

О том, что сдвиг вправо способен привести к расколу социал-демократической партии и выходу из нее части левоориентированных активистов, свидетельствует, в частности, опыт СДПГ. В начале XXI в. в знак протеста против курса Шрёдера эту партию покинуло не только значительное число рядовых членов, придерживавшихся традиционных

социал-демократических воззрений, но и такой известный политик, как Оскар Лафонтен, занимавший в 1995—1999 гг. пост председателя СДПГ. После выхода из СДПГ «красный Оскар» стал одним из лидеровлевой партии (ныне партия «Левые»).

Аналогичный раскол произошел и во французской соцпартии, хотя ее весьма умеренный дрейф к политическому центру нельзя даже сравнивать с «маркетизацией» идеологии и политики СДПГ при Шрёдере. Раскол в ФСП был вызван главным образом разногласиями по вопросу об отношении партии к проекту конституции Европейского Союза, референдум по которой прошел во Франции в мае 2005 г. Руководство соцпартии поддержало проект евроконституции, в то время как левое крыло сочло его неприемлемым, доказывая, что он носит в значительной мере неолиберальный характер. Противники евроконституции создали внутривнутрипартийную фракцию «Новая социалистическая партия — за социалистическую альтернативу», которую возглавили Жан-Люк Меланшон, Анри Эмманюэлли и др. В 2008 г. Меланшон, обвинивший партийную элиту в социал-либерализме и отходе от левой политики, покинул ряды ФСП и выступил инициатором созданиялевой партии (по образцу немецкой партии «Левые»). Он же стал и ее первым председателем.

Обновить идеологию партии, отойти от ее традиций, не вызвав при этом внутривнутрипартийного кризиса, обычно удается лишь харизматическому лидеру. Подтверждением этому служит относительно успешная модернизация ЛПВ Блэром. Однако Блэр пока остается исключением — в настоящее время в социал-демократических партиях наблюдается явный дефицит ярких политиков. Более того, наличие лидера-харизматика не избавило ЛПВ от сокращения численности и отхода от партии активистов ее левого крыла.

**ЛПВ и СДПГ:
нелегкий путь
обновления**

Таким образом, радикальная модернизация идеологии и политики произошла лишь в двух социал-демократических партиях — ЛПВ и СДПГ. При этом нелейбористский проект Блэра оказался более успешным и принес ЛПВ большие дивиденды, чем попытка Шрёдера сдвинуть германскую социал-демократию в направлении «новой середины».

Модернизированная Лейбористская партия одержала победу на парламентских выборах 1997 г., а затем выиграла выборы 2001 и 2005 гг. В течение практически всего премьерства Блэра (завершившегося в 2007 г.) политика «новых лейбористов» обеспечивала очень неплохие экономические и социальные результаты. В 1997—2005 гг. экономика Великобритании ежегодно росла на 2—3%, инфляция не превышала 2% в год, а безработица оставалась на низком по европейским меркам уровне (около 5% экономически активного населения)²⁹.

После ухода Блэра в отставку летом 2007 г. правительство Великобритании и Лейбористскую партию возглавил Гордон Браун —

²⁹ *Перебудов 2005:*
378.

министр финансов в кабинете Блэра и главный автор экономической программы «нового лейборизма». Вскоре после смены премьер-министра Великобритании вступила в полосу экономических трудностей, вызванных прежде всего воздействием глобального финансово-экономического кризиса. Начавшийся в 2007 г. экономический спад (объяснявшийся также особенностями британской экономики с присущим ей гипертрофированным развитием финансового сектора) заставил лейбористское правительство пойти на усиление государственного вмешательства в экономику. Было национализировано несколько банков, увеличена доля государства в ряде других кредитных учреждений, усовершенствована система финансового регулирования, активно вливались средства в банковский и реальный сектор экономики. Иначе говоря, в 2008—2010 гг. правительством Брауна был предпринят ряд явно кейнсианских мер по налоговому-бюджетному стимулированию экономики, во многом противоречивших рыночным установкам «нового лейборизма»³⁰.

³⁰ См. Хесин 2009.

Впрочем, эти шаги не принесли партии ожидаемых политических дивидендов. Снижению доверия избирателей к ЛПВ способствовал и ряд других обстоятельств — череда скандалов, в которых были замешаны политики-лейбористы, участие британских вооруженных сил в непопулярной войне в Ираке и чрезмерно либеральная иммиграционная политика, вызывавшая недовольство населения. На состоявшихся в мае 2010 г. парламентских выборах ЛПВ потерпела поражение и была вынуждена уступить место консерваторам, а Браун, воспринявший это поражение как негативную оценку избирателями его деятельности, покинул пост не только главы правительства, но и лидера партии. В сентябре 2010 г. новым лидером ЛПВ был избран представитель нового поколения Эд Милибэнд — политик, близкий по своим воззрениям к Брауну.

Пребывание в оппозиции привело к активизации традиционных лейбористских установок, и сейчас руководство ЛПВ не позиционирует себя в качестве сторонников «третьего пути». Тем не менее речь отнюдь не идет о возврате к доблэровским взглядам. Лейбористская партия и ее лидер, несомненно, остаются связанными с политикой, ассоциируемой с «новым лейборизмом»³¹. В октябре 2010 г., выступая на ежегодной конференции Конфедерации британской промышленности, Милибэнд, по сути, солидаризовался с «новыми лейбористами» в том, «что мы должны быть партией, умеющей не только перераспределять богатство, но и создавать его, что мы должны выступать как за социальную справедливость, так и за экономическое процветание и что решить проблемы нашего общества невозможно без партнерства между правительством и бизнесом»³².

³¹ Heffernan 2011: 176.

³² Miliband 2010.

В то время как Блэр относительно успешно модернизировал британский лейборизм, попытка Шрёдера провести рыночно ориентированное обновление СДПГ оказалась гораздо менее удачной. Правда, вначале сдвиг германской социал-демократии в направлении «новой

середины» дал хорошие электоральные результаты — в 1998 г., после 16 лет пребывания в оппозиции, СДПГ удалось вернуться к власти. По итогам выборов 1998 г. в бундестаг была сформирована коалиция СДПГ с «Зелеными» (просуществовавшая до 2005 г.), и Шрёдер стал федеральным канцлером. Однако в дальнейшем инициированная им модернизация теории и практики германской социал-демократии столкнулась с целым рядом трудностей, одной из которых было противодействие со стороны левого крыла партии. Левые традиционалисты в СДПГ «пропагандировали государственно ориентированную модель управления по примеру Лионеля Жоспена во Франции... Вместо глобализации и модернизации они хотели больше социальной справедливости, перераспределения и еще большего государственного вмешательства»³³.

³³ Поттхофф, Миллер 2003: 413—414.

Программа реформ, к осуществлению которой федеральный канцлер приступил в 2003 г., была изложена в документе «Повестка дня 2010» (2003); позднее она также нашла воплощение в пакете законов о реформировании социальной сферы и рынка труда «Хартц IV» (2005). Реформы предполагали снижение налогов на бизнес и социальных взносов предпринимателей, деbüroкратизацию процесса создания новых предприятий, дерегулирование рынка труда, уменьшение различных субсидий и льгот, сокращение сроков получения пособия по безработице, приватизацию федеральной собственности³⁴. Их ключевым принципом, в формулировке самого канцлера, было «fördern und fordern», то есть содействовать человеку и одновременно требовать от него³⁵.

³⁴ См. Гутник 2003; Животовская 2008: 152—158.

³⁵ Орлов 2008: 29.

Болезненные и непопулярные реформы Шрёдера имели своим следствием усиление внутривнутрипартийной оппозиции и падение авторитета СДПГ. Многие избиратели и партийные активисты восприняли их как демонтаж социального государства — причем той самой организацией, которая всегда его отстаивала. Необходимо также учитывать, что рыночно ориентированная модернизация СДПГ вступала в противоречие с традициями немецкой социал-демократии, весьма отличавшимися от традиций английского рабочего движения. Ведь если для британских лейбористов всегда были характерны эмпиризм, прагматизм и скептическое отношение к абстрактным теориям, то СДПГ изначально представляла собой идеологизированную, программную партию, среди духовных истоков которой были восходящий к неокантианцам этический социализм и марксистское учение об истории и обществе. В такой партии фактический отказ руководства от социалистических целей не мог не вызвать гораздо большего неприятия и сопротивления, чем в ЛПВ.

Недовольство инициированными Шрёдером реформами повлекло за собой отток из СДПГ левоориентированных членов, многие из которых приняли участие в создании в 2005 г. Левоцентрированной партии. В конечном итоге внутривнутрипартийный кризис и падение популярности германской социал-демократии обернулись для нее поражением на парламентских выборах 2005 г., в результате которых была сформирована «большая коалиция» ХДС/ХСС — СДПГ, а федеральным канцлером стала Ангела Меркель.

Так или иначе, но Шрёдеру не удалось коренным образом модернизировать СДПГ. О том, что радикального обновления партии не произошло, свидетельствует и ее новая программа, принятая на съезде в Гамбурге в октябре 2007 г. В этом документе, отразившем компромисс между «старыми» и «новыми» социал-демократами, традиционалистами и модернизаторами, германская социал-демократия подтвердила свою приверженность демократическому социализму: «Конец государственного социализма советского образца не опроверг идею демократического социализма... Демократический социализм по-прежнему определяет наше видение свободного, справедливого и солидарного общества, претворение которого в жизнь является для нас постоянной задачей. Принцип нашей деятельности — социальная демократия»³⁶.

³⁶ *Hamburger Programm s.a.:*
16—17.

Гамбургская программа 2007 г. не просто критикует рыночный фундаментализм, но и возлагает на государство ответственность за обуздание рыночных сил. Рыночные радикалы (то есть неоконсерваторы), говорится в ней, «хотят свести функции государства к охране собственности и организации рынков. Там, где только возможно, они пытаются передать рынкам задачи государства. Но то, что передается рынкам, должно стать товаром, который одни могут себе позволить, а другие — нет. Демократическое и правовое социальное государство, поддерживаемое и ограничиваемое гражданским обществом, несет ответственность за те сферы жизни, которые не должны быть превращены в товар»³⁷ (к их числу отнесены, в частности, образование, социальная безопасность и культура). В программе предлагается также новая концепция социального государства. СДПГ выступает теперь за превращение государства благосостояния в «заботливое социальное государство» (*Vorsorgende Sozialstaat*), обеспечивающее оптимальный баланс между социальной защищенностью человека и его личной ответственностью за свою судьбу³⁸. В целом новая программа СДПГ ближе к традиционным социал-демократическим представлениям, чем к «новой середине» Шрёдера.

³⁷ *Ibid.:* 31.

³⁸ *Ibid.:* 55—60.

В еще более социальном духе была выдержана программа, с которой СДПГ вышла на выборы в бундестаг в сентябре 2009 г. Однако этот идеологический поворот не спас германскую социал-демократию от катастрофического поражения, и она набрала всего 23% голосов. Эти печальные для СДПГ результаты во многом объясняются тем, что партия так и не смогла преодолеть идеологический кризис и предложить избирателям какие-либо свежие, оригинальные идеи и подходы³⁹.

³⁹ *Примечательно, что на тех же выборах улучшили свои позиции «Зеленые» и «Левые», находящиеся слева от социал-демократов.*

Социал-демократия и вызовы глобализации

Одной из важнейших проблем, с которой западная социал-демократия столкнулась в конце прошлого века и которая остается для нее столь же актуальной в начале века нынешнего, является глобализация и ее влияние на социальные и экономические процессы в отдельных странах. В целом для социал-демократии характерна двойственная оценка глобализации. Как утверждает в программе Социал-демокра-

тической партии Швейцарии (2010), глобализация двулика: с одной стороны, она несет в себе риски и опасности, с другой — шансы и возможности⁴⁰. Эти слова отражают отношение к глобализации большинства европейских социал-демократов.

⁴⁰ *Sozialdemokratische Partei 2010: 3—4.*

Осмысление феномена глобализации в социал-демократических кругах началось в 90-х годах прошлого века. В 1999 г. на XXI конгрессе Социнтерна в Париже была принята специальная декларация «Вызовы глобализации» (Парижская декларация)⁴¹, в которой были сформулированы основные подходы социал-демократии к этому явлению.

⁴¹ *Вызовы глобализации 2000.*

Признавая глобализацию в сферах информации, экономики, торговли и финансов важнейшим феноменом нашей эпохи, Парижская декларация вместе с тем обращает внимание на противоречивость ее последствий. С одной стороны, глобализация открывает совершенно новые возможности для решения социальных проблем человечества, с другой — ведет к углублению неравенства как внутри наций, так и между различными регионами мира. Поэтому задача социал-демократов заключается в том, чтобы придать глобализации «социальное измерение... и поставить ее на службу человечеству»⁴². Социал-демократы не против глобализации в принципе, они против неолиберального (неоконсервативного) подхода к глобализации, который игнорирует социальные права человека (в том числе на образование и здравоохранение) и требует свертывания регулирующих функций государства в экономике. По мнению же социал-демократов, процессом глобализации надо управлять.

⁴² *Там же: 45.*

В Парижской декларации 1999 г. нашли отражение наиболее общие установки социал-демократии в отношении глобализации. Однако в восприятии этого явления модернистским и традиционалистским течениями в социал-демократии существуют определенные различия. Если единомышленники Блэра и Шрёдера делают акцент на позитивных аспектах глобализации, то «старые левые» подчеркивают сопряженные с нею угрозы. Это, впрочем, легко объяснимо: приверженцы традиционного государства благосостояния и кейнсианского интервенционизма едва ли могут положительно оценить социальный феномен, сужающий возможности национального государства в сфере экономического регулирования.

Скорее положительное отношение к процессу глобализации характерно в первую очередь для «новых лейбористов». С их точки зрения, глобализацию нужно признать свершившимся фактом и искать пути приспособления национальных экономик к условиям глобальной конкуренции. В то же время, по словам Гидденса, «третий путь» «не является наивно „проглобалистским“». Он признает, что глобализация, наряду с выгодами, несет с собой риски, напряженности и конфликты. Тем не менее многие из этих выгод, включая и те, которые порождены свободной торговлей, реальны. Глобализация также способствует распространению демократии⁴³. Короче говоря, неолейбористы «приняли требование участия в глобальном свободном рынке... но попытались

⁴³ *Giddens 2003: 4.*

⁴⁴ Федотова 2004: 251—252.

совместить это с социальной политикой, адекватной новым условиям»⁴⁴.

Лейбористские теоретики не отрицают, что нынешней модели глобализации присущи многие недостатки, прежде всего — усиление неравенства между странами Севера и Юга. Они выступают за иную, «прогрессивную глобализацию», управляемую и направляемую в соответствии с социал-демократическими принципами. В числе этих принципов — равноправная система мировой торговли, регулирование глобальной экономической деятельности, глобальный механизм перераспределения доходов между богатыми и бедными странами, демократически легитимная система глобального управления⁴⁵.

⁴⁵ Jacobs, Lent, Watkins 2003: 18.

Сходные взгляды на феномен глобализации высказывал и Шрёдер, стремившийся сдвинуть СДПГ в сторону «новой середины». Глобализация, по Шрёдеру, — это объективный процесс, сама по себе она не хороша и не плоха. При этом Шрёдер видел в ней скорее шанс, чем угрозу — ведь, по его утверждению, ФРГ с ее экспортоориентированной экономикой от глобализации может только выиграть⁴⁶.

⁴⁶ Государство и общество 2003: 125.

Более взвешенный, компромиссный подход к глобализации, отчасти учитывающий и установки левых традиционалистов, представлен в Гамбургской программе СДПГ. В программе подчеркивается, что процесс глобализации несет с собой не только шансы, но и негативные явления, поэтому на него необходимо влиять посредством демократической политики. Хотя глобализация и сокращает регулирующие возможности национального государства, немецкие социал-демократы убеждены, что общество «не должно капитулировать перед слепой силой капиталистической глобализации»⁴⁷. Вместе с тем в эпоху глобализации политическое воздействие на рынки должно осуществляться также и на наднациональном уровне. «Социальная Европа должна стать нашим ответом на глобализацию», — считают авторы программы⁴⁸.

⁴⁷ Hamburger Programm s.a.: 13.

⁴⁸ Ibid.: 5.

Еще более критическую позицию по отношению к глобализации занимают французские социалисты, трактующие ее как «мутацию капитализма», которую следует обуздать с помощью солидарных действий и политического регулирования. Процесс глобализации, с их точки зрения, «нуждается в регулировании, и не только для предупреждения кризисов, но также и для сохранения региональных и национальных идентичностей»⁴⁹. Отсюда — необходимость создания инструментов, которые позволяли бы регулировать международную финансовую систему, и распространение их на экономическую, социальную, культурную и экологическую сферы. Глубокие опасения у французских социалистов вызывает также унифицирующее (по сути, американизирующее) воздействие глобализации в сфере культуры, и именно на них ложится «основная тяжесть борьбы за сохранение культурного наследия, в том числе за культуру политического сообщества с присущим ему широким левым политическим спектром»⁵⁰.

⁴⁹ Жоспен 2000: 121.

⁵⁰ Государство и общество 2003: 84.

Таким образом, в своем восприятии глобализации европейские социал-демократы расходятся как с неолибералами, так и изоляцион-

стски настроенными антиглобалистами. В отличие от неолибералов, социал-демократы не являются апологетами нынешней модели глобализации и полагают, что процессом глобализации нужно управлять, дабы заставить его служить прогрессу человечества. В то же время, в отличие от антиглобалистов (озабоченных прежде всего сохранением локальных национально-культурных идентичностей), они не против глобализации в принципе и не имеют ничего против формирования глобального космополитического общества. Вместе с тем их взгляды отчасти напоминают установки умеренно-реформистского крыла альтерглобалистского движения, также выступающего за отказ от неолиберальной глобализации в пользу глобализации регулируемой, демократической и справедливой.

Социал-демократы перед лицом глобального финансово-экономического кризиса

В конце первого десятилетия XXI в. европейской социал-демократии пришлось столкнуться еще с одним серьезным вызовом — глобальным финансово-экономическим кризисом. В левых и левоцентристских кругах Запада получила широкое распространение точка зрения, что начавшийся в 2008 г. мировой финансовый кризис — это, в сущности, кризис неолиберального капитализма и, соответственно, неолиберальной модели глобализации, подтверждающий справедливость базовых представлений социал-демократов о необходимости политического регулирования экономических процессов. Так, эксперт близкого к СДПГ Фонда Фридриха Эберта Эрнст Хиллебранд предлагает следующую трактовку ситуации: «Доминирование рыночного радикализма и неолиберального дискурса... определенно идет к концу. Номо оесопотісус уходит, возвращается зооп політikon. Культурная гегемония в том смысле, которой вкладывал в это понятие Грамши, какое-то время будет на стороне тех, кто считает, что рынки необходимо регулировать и ставить в определенные рамки, и чье видение человека весьма далеко от образа индивидуалиста, стремящегося лишь к максимизации своей выгоды»⁵¹.

⁵¹ Hillebrand 2008: 16.

В условиях кризиса неолиберального «казино-капитализма» социал-демократы едва ли предпримут новые попытки «маркетизировать» свои программно-идеологические установки. Напротив, наметилась тенденция к возвращению их к традиционным социал-демократическим представлениям. Весьма показательна в этом отношении оценка причин глобального кризиса, содержащаяся в принятой в ноябре 2011 г. Декларации принципов Партии европейских социалистов (ПЕС): «Рыночные силы, движимые финансами и жадностью, захватывают власть и стремятся устранить демократический контроль над ней. Эти силы служат интересам привилегированного меньшинства. Консерваторы и неолибералы усугубили экономические, географические и социальные неравенства, продвигая свои ценности — краткосрочную и легкую прибыль, свободу от всяких правил, — что привело к тяжелейшему кризису...»⁵². Декларация ПЕС подтверждает приверженность

⁵² Декларация б.г.

социал-демократов таким фундаментальным ценностям, как свобода, равенство, солидарность, справедливость. В этом документе европейские социалисты выступают за основанную на устойчивом развитии новую экономику, в которой важную роль играет государственный сектор. Они, как и ранее, отстаивают «равные права и равный доступ к образованию, культуре, общественным услугам для всех» и подчеркивают важность солидарных усилий и коллективной ответственности членов общества за обеспечение социальной справедливости⁵³.

⁵³ Там же.

Достаточно ясное представление о социально-экономических воззрениях социал-демократов в эпоху кризиса дает статья трех лидеров СДПГ (председателя партии Зигмара Габриэля, экс-министра финансов Пеера Штайнбрюка и председателя парламентской фракции СДПГ Франка-Вальтера Штайнмайера) «Зачем нужна социальная рыночная экономика», опубликованная в апреле 2012 г. в газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung»⁵⁴. Критический пафос статьи направлен против «капитализма джунглей» (Raubtierkapitalismus) и «экономики мыльного пузыря», роковую роль в надувании которого сыграли инвестиционные банки, хедж-фонды и рейтинговые агентства. Считая претензии европейских консерваторов к Греции, Португалии, Испании и другим странам с высоким государственным долгом полностью безосновательными, ведь правительства стран, в наибольшей степени пострадавших от кризиса, консультировались у лучших финансистов Франкфурта, Лондона и Нью-Йорка и ими же были посажены на иглу дешевых кредитов, Габриэль, Штайнбрюк и Штайнмайер решительно выступают против политики сокращения государственных расходов, которую рекомендуют странам-должникам Меркель и Николя Саркози. С точки зрения авторов статьи, этим странам необходимы не меры жесткой экономии, а инвестиции, обеспечивающие экономический рост и увеличение занятости.

⁵⁴ Gabriel, Steinbrück, Steinmeier 2012.

Руководители СДПГ предлагают европейским странам взять на вооружение модель социальной рыночной экономики, столь хорошо зарекомендовавшую себя в ФРГ в послевоенные десятилетия. Однако речь идет отнюдь не о той экономической системе, которая сейчас существует в Германии, — как отмечается в статье, в ходе наступления неолиберализма и дерегулирования финансовых рынков успешная немецкая модель социального рыночного хозяйства была в значительной мере демонтирована. «Социальная рыночная экономика, как мы ее понимаем, — пишут Габриэль, Штайнбрюк и Штайнмайер, — это полная противоположность тому обществу, в котором победитель получает все и где отсутствует такое понятие, как солидарность». В отличие от Меркель, мечтающей о «демократии, соответствующей рынку», социал-демократы отстаивают «рынок, соответствующий демократии». «В иерархии наших политических ценностей, — подчеркивают лидеры СДПГ, — демократия и социальная безопасность занимают самые высокие позиции. Мы говорим о возвращении к рынку, соответствующему демократии, об обновлении социального рыночного хозяйства,

о восстановлении общественной ответственности и о развитии чувства солидарности в политике, экономике и обществе». Социальная рыночная экономика обязательно предполагает также регулирование финансовых рынков и налог на финансовые транзакции. Статья завершается призывом к европеизации социальной рыночной экономики⁵⁵.

⁵⁵ *Ibidem.*

Традиционная социал-демократическая программа, включающая государственные инвестиции в создание новых рабочих мест, увеличение до 75% налога на доходы, превышающие 1 млн. евро в год, повышение социальных выплат, введение налога на финансовые транзакции и т.д., была предложена избирателям и социалистом Франсуа Олландом, избранным в мае 2012 г. новым президентом Франции⁵⁶.

⁵⁶ *См. Что предлагает 2012.*

В целом можно констатировать, что мировой финансово-экономический кризис прервал «правый дрейф» европейской социал-демократии. Даже такие партии, как ЛПВ и СДПГ, которые в начале XXI в. достаточно далеко продвинулись в сторону социального либерализма, были вынуждены в той или иной степени вернуться к «старому» социал-демократизму. В настоящее время лидеры европейской социал-демократии выступают за восстановление частично демонтированного неоконсерваторами государства благосостояния, государственное регулирование финансовых рынков и использование кейнсианских методов стимулирования совокупного (потребительского и инвестиционного) спроса — иными словами, отстаивают традиционные социал-демократические ценности и установки.

* * *

Как отмечал в середине прошлого века французский политолог Раймон Арон, западные левые вдохновляются тремя основными идеями: свободы, организации (или рационального порядка) и равенства⁵⁷. Однако на различных этапах развития социал-демократического движения на первый план выходили разные элементы этой триады. В конце XIX — начале XX в. приоритет, несомненно, был за организацией и равенством. Социализм представлялся тогда социал-демократам организованным плановым обществом без частной собственности и рыночных отношений. Один из виднейших марксистских теоретиков начала XX в. Карл Каутский, например, рисовал социалистическое общество как огромное единое промышленное предприятие⁵⁸. (При этом предполагалось, что ликвидация хозяйственной свободы не затронет свободы личной.) Затем социал-демократы — не без влияния отпугивающего опыта тоталитарной реализации социализма СССР — обратились к поиску путей сочетания коллективизма и индивидуализма, планирования и рынка, организации и свободы. В 1950-е годы ими была признана правомерность существования рыночной конкуренции и частной собственности, и на смену требованию социализации пришел упор на налогово-бюджетное и денежно-кредитное регулирование смешанной экономики. Теперь социал-демократы подчеркивали, что

⁵⁷ *Aron 1962: 32.*

⁵⁸ *Каутский 1959: 149.*

такие ценности, как свобода, справедливость, равенство и солидарность, имеют для них равное значение.

В конце XX — начале XXI в. под воздействием целого ряда факторов (кризис государства благосостояния, процесс глобализации, развитие «новой экономики», крушение коммунистических режимов и т. д.) западноевропейские социал-демократы еще дальше отошли от этоса социальности. И в программно-теоретическом плане, и в своей практической политике они в той или иной мере отказались от этатистско-перераспределительных моделей, признав преимущества личной инициативы и рыночной экономики. Возникла даже версия социал-демократизма, по сути воспроизводившая установки социал-либералов. В противовес традиционным социал-демократическим представлениям, сфокусированным на государственном регулировании и перераспределении доходов во имя социального равенства, ее сторонники в лице «новых лейбористов» и приверженцев «новой середины» выдвигали на первый план такие ценности, как индивидуальная инициатива, дух предпринимательства, собственные усилия и ответственность, личный успех и т.д. Однако «новый лейборизм» и «новая середина» так и не стали универсальным образцом модернизации западноевропейских социал-демократических партий, и в Европе продолжают существовать различные страновые модели социал-демократии, специфика которых во многом связана с национальными традициями социалистического и рабочего движения.

Сегодня западная социал-демократия находится на распутье. С одной стороны, вызовы глобализации и императивы «новой экономики» будут и дальше требовать от нее движения в направлении социального либерализма. С другой стороны, в условиях всемирного финансово-экономического кризиса, рассматриваемого социал-демократами как кризис неолиберального капитализма, дальнейшая «маркетизация» их программно-идеологических установок маловероятна. Более того, в левоцентристских партиях сейчас наблюдается определенный поворот к «старым» социал-демократическим представлениям, и их лидеры возвращаются к таким традиционным для социал-демократов темам, как защита государства благосостояния, государственное регулирование финансовых рынков, стимулирование экономического роста и занятости с помощью кейнсианских методов, борьба против сокращения государственных расходов и т.д.

И все же есть основания полагать, что европейская социал-демократия сможет найти выход из этой ситуации и преодолет те немалые трудности, с которыми она столкнулась в эпоху глобализации. Залогом того является неоднократно продемонстрированная социал-демократами способность не закрывать глаза на реальность, учиться на своем и чужом опыте и своевременно пересматривать устаревшие представления.

Библиография

- Байерс** С. 2000. Третий путь // *Международная жизнь*. № 12.
- Бердяев** Н.А. 1995. О рабстве и свободе человека // Бердяев Н.А. *Царство Духа и Царство Кесаря*. — М.
- Блэр** Т. 2000. Новая политика для нового столетия // *Государственная служба за рубежом*. № 4.
- Блэр** Т., Шрёдер Г. 2000. Европа: Третий путь — Новая середина // *Социал-демократия перед лицом глобальных проблем*. — М.
- Вызовы** глобализации. 2000 // *Социал-демократия перед лицом глобальных проблем*. — М.
- Гильфердинг** Р. 1928. *Капитализм, социализм и социал-демократия*. — М.-Л.
- Государство и общество в условиях глобализации: взгляд слева**. 2003. — М.
- Гутник** В.П. 2003. Государство уходит из экономики ФРГ // *Независимая газета*. 22.12.
- Декларация принципов Партии европейских социалистов** (<http://www.socialistinfo.ru/socialXXI/988.html>).
- Животовская** И.Г. 2008. Государство благосостояния в странах Западной Европы в условиях глобализации: Проблемы модернизации социальной модели // *Глобализация и социальная политика развитых стран*. — М.
- Жоспен** Л. 2000. На пути к более справедливому миру // *Социал-демократия перед лицом глобальных проблем*. — М.
- Каутский** К. 1959. *Эрфуртская программа (Комментарий к принципиальной части)*. — М.
- Липсет** С. 1991. Третьего пути не существует (Перспективы левых движений) // *Полис*. № 5.
- Майер** Т. 2000. *Трансформация социал-демократии: Партия на пути в XXI век*. — М.
- Мацонашвили** Т.Н. 1998. *Социал-демократическая партия Германии перед выборами 1998 г.* — М.
- Недев** Т. 2007. Социал-либеральное направление на политической карте современной Европы // *Личность. Культура. Общество*. Т. IX. Вып. 3 (37). — М.
- Орлов** Б.С. 2008. *Новая программа германской социал-демократии. Итоги идейной дискуссии в СДПГ*. — М.
- Перегудов** С.П. 1999. *Тони Блэр*. — М.
- Перегудов** С.П. 2005. Выборы в Великобритании: двухпартийная система держит удар // *Год планеты*. — М.
- Поттхофф** Х., Миллер С. 2003. *Краткая история СДПГ. 1848 — 2002*. — М.
- Преображенская** А.А. 2000. Французская социалистическая партия и европейская социал-демократия // *МЭиМО*. № 6.
- Росселли** К. 1989. *Либеральный социализм*. — Roma.
- Федотова** В.Г. 2004. Вызовы левым взглядам и их трансформация // *Исторические судьбы социализма*. — М.

- Хесин** Е.С. 2009. Великобритания: от подъема к кризису // *МЭиМО*. № 12.
- Что предлагает** стране Франсуа Олланд. 2012 // *Коммерсантъ-Online*. 07.05 (<http://www.kommersant.ru/doc/1930121>).
- Aron** R. 1962. *The Opium of the Intellectuals*. — N.Y.
- Crosland** C.A.R. 1963. *The Future of Socialism*. — L.
- Dahrendorf** R. 1983. *Die Chancen der Krise: Über die Zukunft des Liberalismus*. 2. Aufl. — Stuttgart.
- Gabriel** S., Steinbrück P., Steinmeier F.-W. 2012. Warum wir die Soziale Marktwirtschaft brauchen // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 01.04.
- Giddens** A. (ed.) 2003. *The Progressive Manifesto: New Ideas for the Centre-Left*. — Cambridge.
- Hamburger Programm: Das Grundsatzprogramm der SPD** (http://www.spd.de/linkableblob/1778/data/hamburger_programm.pdf).
- Hartmann** A. 2004. Austrian Social Dems Reject Neo-Liberalism // *EIR*. Vol. 31. № 4.
- Heffernan** R. 2011. Labour's New Labour Legacy: Politics after Blair and Brown // *Political Studies Review*. Vol. 9. № 2.
- Hillebrand** E. 2008. Zwischenruf: die europäische Linke und die Folge des Finanzkrise // *Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte*. № 11.
- Jacobs** M., Lent A., Watkins K. 2003. *Progressive Globalization: Towards an International Social Democracy*. — L.
- Kolakowski** L., Hampshire S. (eds.) 1974. *The Socialist Idea. A Re-appraisal*. — L.
- Miliband** E. 2010 *Speech to the Confederation of British Industry, 25 October* (<http://www.businesszone.co.uk/topic/business-trends/ed-milibands-cbi-speech-full-labour-will-stand-small-business-and-entrepreneur>).
- Sassoon** D. 1996. *One Hundred Years of Socialism: The West European Left in the Twentieth Century*. — N.Y.
- Sozialdemokratische Partei der Schweiz. Parteiprogramm** (<http://www.sp-ps.ch/ger/Media-library/AA-SP-Schweiz/Partei/Parteiprogramme/Parteiprogramm-2010>).